

Мне нужно было выбраться из этого особняка как можно скорее.

Лучшим способом было бы встретиться с моим опекуном Лавуазье, но этот план с самого начала столкнулся с трудностями.

- Сэр, он сказал, что у него важное дело и он не сможет никого принять некоторое время.

- Моё дело тоже очень важное. Вы не можете что-нибудь с этим сделать?

- Он сказал, что сегодня это абсолютно невозможно... Если вы скажете мне причину, я передам это ему.

Это безумие.

На карту поставлена моя жизнь, а это важнее всего остального. Но было бы бесполезно говорить им, что за мной охотится убийца. У меня нет доказательств, а рассказ Мелиссе только ещё больше всё усложнит.

Если подумать, даже если бы я встретил Лавуазье, проблема была бы в том, что делать дальше. Сейчас он занят, так что, возможно, лучше придумать благовидный предлог и встретиться с ним позже.

- Тогда, на данный момент, я поеду на юг... Орлеан звучит неплохо. Я побуду там некоторое время и переведу дух. Скажите Лавуазье, чтобы он прислал кого-нибудь, когда закончит со своими делами.

- Вы уезжаете из Парижа? С чего это вдруг?

- Это немного сложно объяснить. В любом случае, это чрезвычайно важно, поэтому, пожалуйста, сделайте мне одолжение. И я некоторое время не вернусь в этот особняк, так что вам также стоит пожить в особняке Лавуазье.

Я оставил Мелиссу, которая склонила голову набок, позади и быстро забрался в экипаж.

Какими бы безрассудными они ни были, они не осмелились бы открыто напасть на особняк Лавуазье, когда его поддерживает дворянин из правоохранительных органов. Если они захотят убить меня, они могут прокрасться внутрь, убить меня и сбежать, но они не ожидали бы, что я буду в Орлеане.

Самое безопасное, что можно сделать, - это пока покинуть Париж. Потом я придумаю, как допросить Лавуазье, и вернусь, чтобы принять меры.

Лавуазье должен быть в состоянии выяснить, кто стоит за покушением. Как только у меня будет чёткая цель, остальное будет легко. Если они могут позволить себе нанять убийцу, у них не может быть чистого прошлого. Я могу похоронить их своими знаниями.

Мои запутанные мысли резко оборвались, когда карета выехала на главную дорогу.

– О... это действительно Париж 18 века.

Я почувствовал, что мои глаза словно втянулись в сцену передо мной. От шумных улиц до одежды пешеходов, до стиля домов. Материалы, которые я видел и запоминал до тех пор, пока они не отпечатались в моем мозгу, были живыми и двигались передо мной.

Я видел их в графических данных, пока они мне не надоели, но реальность была другой по масштабам.

Коляска была ухабистой, а уличная гигиена выглядела грязной, но мне было всё равно. Какое это имеет значение? Сведения, изучению которых я посвятил половину своей жизни, теперь были реальными и проецировались на мою сетчатку.

По сути, историки наполовину помешаны на истории. Они могут выдержать безумный процесс становления историком, потому что они одержимы историей. Вот почему интенсивность моих эмоций была неопишуемой.

Я умер и перевоплотился.

Меня ударили по затылку, и я умер в первый же день.

Этот невероятный опыт до сих пор заставлял меня чувствовать себя нереальным.

– Да, да, это костюм джентльмена, слегка модифицированный по образцу *juste-au-corps* (прямо над телом). Такой, каким я его знаю.

Процесс проверки реальности знаний, которые я запомнил, был увлекательным и удивительным. Платья и костюмы, тривиальные аксессуары, которые для других были бы пустяком, для меня были чудом. Если немного преувеличить, я даже подумал, что мне повезло умереть и перевоплотиться.

Это чувство усилилось, когда я увидел величественный собор через дорогу.

– Собор Парижской Богоматери... и он находится в своем первоначальном состоянии до того, как был поврежден!

Внешне он не сильно отличался от того, когда я видел его студентом, но ощущения были другими. Собор Парижской Богоматери, символ французской готической архитектуры, считался символом привилегий во время Французской революции. Естественно, он одним из первых подвергся нападению во время революции, и его даже использовали как амбар в эпоху Наполеона.

Но сейчас было время, когда авторитет духовенства и знати всё ещё жив. Внешний вид собора, а также его социальная ценность по-прежнему не изменились.

Не только собор. Примерно в это время должно было начаться строительство Пантеона, репрезентативного национального кладбища Парижа.

– Кто ещё, кроме меня, может видеть строительство Пантеона, а не его завершение? О, я так счастлив, что у меня кружится голова.

Продолжая жить, я, возможно, встречу с историческими личностями, которых видел только в записях.

Нет, я должен встретиться с ними. Если я смогу восстановить свой королевский статус, мне придется встретиться с ними лицом к лицу, даже если я этого не хочу.

Конец 18-го века в Европе был связан не только с Французской революцией. Начиная с американской войны за независимость, там были переплетены всевозможные исторические события и фигуры. Даже люди, которые не интересуются историей, узнают, кто они такие, если услышат их имена.

Это эпоха, когда знаменитости выезжают, как грузовики.

Мысль о личной встрече с ними заставила моё сердце учащенно забиться. Я немного понял, что чувствовал мой друг, когда пропустил занятия, чтобы пойти повидаться со своим любимым кумиром.

Что он сказал? Он сказал, что он фанат живого человека, а не мертвого.

Если посмотреть на это с такой точки зрения, люди, с которыми я с нетерпением жду встречи, тоже живы и живут в эту эпоху. Другими словами, я мог бы стать своего рода поклонником айдола в эту эпоху.

«Давайте сначала разберемся с этими ублюдочными убийцами. Тогда я смогу в полной мере насладиться парижской жизнью 18-го века».

Пока я хихикал, карета выехала из южных ворот и направилась в Орлеан.

Как долго мы ехали?

Когда вокруг нас стемнело, кучер остановил экипаж.

- Мне жаль. Я получил сигнал... Могу я, извините, отойти на минутку?

- Конечно, не торопись.

Как только я дал ему разрешение, кучер вскочил со своего места и побежал в густые кусты. Он бежал так быстро, что исчез из моего поля зрения. Ну, должно быть, ему действительно приспичило.

Мне просто стало интересно, зачем ему понадобилось заходить так далеко. Если бы ему нужно было сходить в туалет, не проще ли было бы сделать это поблизости?

Пока я размышлял об этом, сзади послышался стук лошадиных копыт. И не одной, а, по крайней мере, двух.

«Думаю, здесь действительно проезжают люди».

Кучер, должно быть, услышал этот звук и попытался убраться с дороги. Если бы он углубился в кусты, ему не пришлось бы беспокоиться о том, что он оставит какие-либо следы.

Сомнение, копошившееся в моей груди, росло как снежный ком, когда я услышал, что стук лошадиных копыт становится громче.

- Подожди. Следы...?

В этот момент меня охватило потрясающее чувство несоответствия.

«Подождите, это странно. Есть ли в этом смысл?»

Я упустил из виду важный факт из-за невероятного переживания возвращения после смерти, непреодолимого желания сбежать из особняка и внезапного осознания моей ситуации.

«Эти чертовы убийцы... Как они планировали убраться после того, как убили меня в особняке?»

Было бы больше смысла, если бы они похитили меня в уединенное место или убили, не оставив никаких следов, и избавились от моего тела. Но они этого не сделали.

Я до сих пор отчетливо помню боль от сильного удара по затылку и удара ножом в спину. Судя по количеству пролитой мной крови, пол особняка, должно быть, был пропитан красным.

Повезло, что в то время в особняке никого не было, но люди скоро вернутся. Они никак не могли стереть все эти следы. У них едва хватило бы времени, чтобы схватить мой труп и убежать.

Проблема заключалась в том, что особняк принадлежал Лавуазье, юрисконсульту Верховного суда. Даже если их целью было убить меня, как они могли послать убийц в дом советника Верховного суда и убить кого-то среди бела дня?

И даже не потрудились замести следы?

Это была не просто личная проблема Лавуазье. Это был вопрос, который можно было рассматривать как пренебрежение к самому Верховному суду. Другими словами, человек, который это сделал, был кем-то, кто думал, что сможет с легкостью растоптать законопослушных дворян.

Насколько могущественными они должны были быть, чтобы провернуть такой безумный трюк?

Я не мог придумать никого, кто подходил бы по всем параметрам.

Но была одна мысль.

Если подозрение, бушевавшее в моей груди, было верным, то я, возможно, в корне ошибался с самого начала.

Тук-тук-тук-тук...

Стук лошадиных копыт становился всё громче и громче, и в поле моего зрения появились двое мужчин. На них были большие шляпы, закрывавшие их лица, что дало мне ощущение, что моя тревожная догадка подтвердилась.

Конечно же.

Двое мужчин открыли свои лица и загородили переднюю и заднюю части моей кареты, как будто окружали её. А затем они слезли с лошадей и медленно направились ко мне.

«Отвратительные ублюдки. Они следовали за мной всю дорогу сюда».

Они были полны решимости убить меня во что бы то ни стало...

Я никогда не знал, как это жутко – быть выслеженным подобным образом.

Даже если бы я выскочил из кареты и убежал, меня поймали бы меньше чем за 10 секунд.

«Мусор. Они действительно так сильно хотят убить 12-летнего ребенка?»

Я хотел выругаться в их адрес, но сейчас было не время выплескивать свои эмоции. Смерти, которая уже была передо мной, было не избежать. Я просто надеялась, что то, что я испытал, было не предчувствием, а регрессом, и что это было не в последний раз, но что это будет продолжаться.

И я должен был убедиться в том, через что мне пришлось пройти, чтобы избежать повторения этой ужасной боли.

Когда я умер в первый раз, когда убийцы вошли в особняк, я был тих, как мышка, и там не было никого, кроме меня. И они убили меня, не задумываясь о последствиях.

Сейчас все не сильно изменилось.

Этим утром я спонтанно решил бежать на юг. Единственными людьми, которые знали о моем плане, были слуги особняка, но они, похоже, уже знали об этом и сразу последовали за мной. Кучер также придумал благовидный предлог и бросил меня, скрыв свое местонахождение.

Другими словами, вывод был очевиден.

«Дерьмо... Так что они все были замешаны в этом с самого начала».

Теперь я понял тонкое выражение, которое Мелисса показала мне. Выражение её глаз, в котором были смешаны жалость и сочувствие. Это был взгляд человека, который увидел бедного ребенка, которого вот-вот убьют.

– Вздых... Жизнь тяжела.

Я пожалел, что у меня нет сигареты, чтобы выкурить её прямо здесь. Я не знал, насколько далеко была проведена граница, но было бесспорно, что слуги особняка были на стороне убийц. Это была действительно неприятная ситуация.

Когда я открыл дверцу кареты и вышел, я встретился взглядом с убийцами, которые вытащили своё оружие. Один из них неохотно покачал головой.

– Я знаю, что это работа, но убивать ребенка подобным образом – это уже перебор.

- Я согласен. Но что мы можем сделать? Нам заплатили, поэтому мы должны быстро закончить это и уйти.

- Даже если нам нравятся деньги, давайте в следующий раз будем более разборчивы. Это смешно.

Мрачно пробормотавший убийца подошел ко мне, нахмурившись.

- Я не знаю почему, но мне жаль. Я убью тебя настолько безболезненно, насколько это возможно. Не родись в таком месте в своей следующей жизни.

Да, спасибо за сочувствие, но, к сожалению, моя следующая жизнь начнётся с сегодняшнего утра.

Я казался спокойным, и убийцы вздохнули, подняв своё оружие. Они были длиннее и тяжелее декоративных маленьких мечей, которые люди обычно носили с собой.

Я задавался вопросом, какие грехи я совершил в своей предыдущей жизни, чтобы испытать смерть в третий раз. Но не было смысла сетовать на свою судьбу. Благодаря их разговору, который, вероятно, был вызван их чувством вины, я смог получить очень важную подсказку. С таким же успехом я мог бы рискнуть, поскольку я всё равно умру.

Давайте попробуем получить как можно больше информации и умрём.

- Извините меня.

Мой голос, который притворялся спокойным, заставил убийц опустить руки.

- Извините, но мы не можем вас отпустить. Для нас это тоже вопрос жизни и смерти.

- О, это прекрасно. Я всё равно умру, так что можете сказать мне одну вещь? Мне нужно отправиться в загробную жизнь со спокойной душой.

- ...

Они лишились дара речи от слов 12-летнего ребенка, который был ещё мал. Я воспользовался их минутным конфликтом и задал вопрос.

- Лавуазье приказал вам убить меня?

Глаза двух мужчин, державших в руках оружие, слегка дрогнули.

Бинго. Мне не нужно было слышать ответ.

Но что я могу сказать... Я был прав, но я почувствовал отвращение. Он приютил меня, сказав, что я могу быть полезен, а теперь нанял убийц, чтобы убить меня?

Даже если бы Отец, Сын и Святой Дух были здесь, они думали бы так же, как я: он был действительно сумасшедшим ублюдком.

<http://tl.rulate.ru/book/99725/3584476>